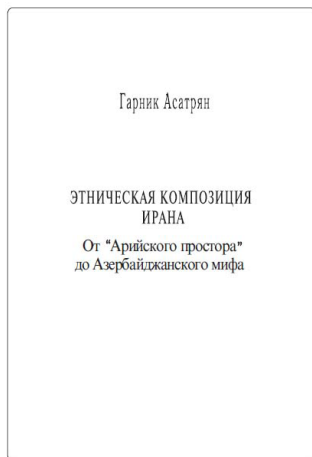

Иран и его этносы

Леонид Савин

Гарник Асатрян. Этническая композиция Ирана. От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Кавказский Центр Иранистики, Ереван 2012, 130 с.

Что представляет собой Иран в плане составляющих его народов? Какие языки и культуры сохранились на территории современного иранского государства и как они интерпретируются в политическом контексте? На данные вопросы призвана хотя бы частично дать ответы книга армянского автора, доктора филологических наук, заведующего кафедрой иранистика Ереванского Университета

Гарника Асатряна, вышедшая недавно в Ереване.

Как указал сам автор в предисловии, данный труд является сокращенной русскоязычной версией заметок автора для семинаров по иранской этнологии на Факультете востоковедения Ереванского государственного университета. Однако выбор был сделан в пользу актуальных на текущий момент вопросов, связанных с политическими процессами региона — это тема «азербайджанского меньшинства» в Иране и его численности, вопросы тюркофонии, провоцирования сепаратистских настроений в этой стране и создания искусственных идентичностей, история формирования тюркоязычного этноса на Южном Кавказе, проблемы, касающиеся курдов, белуджей, гуран, татов, арабов и т.д.

Автор является противником деления на этнические меньшинства и национальное большинство и предлагает любые и вопросы, связанные с проживанием того иного народа в определенном районе рассматривать с позиции всестороннего диахронического обзора этнодемографических реалий. Данный труд он и относит к такой попытке, причем исследование

начинается с древних эпох и этимологических изысканий, связанных с географическим пространством. Так, термин *агуанат waija*, существовавший с незапамятных времен еще в древнеиранский период и означавший обширную территорию от Индии до западных границ современного Ирана, включая Среднюю Азию, был трансформирован в *Eran-sahr* в эпоху Сасанидов, а уже позже в слово, ставшее обозначением современного государства. Народы, населявшие эту территорию, говорили преимущественно на иранских языках и лишь с конца 1 тыс. н.э. начинают вытесняться тюркскими этносами, которые начали проникать с севера и ассимилировать восточные иранские земли. Западная окраина арийского простора, к которой относится современная Исламская Республика Иран, осталась в этно-лингвистическом плане более монолитной, сохранив в себе мидийско-парфянскую (северо-запад) и персидскую (юго-восток) ветви.

Г. Асатрян также рассматривает происхождение устоявшихся в этнографии терминов «курд», «белудж» и пр., отмечая различные нюансы употребления в письменных средневековых источниках и современной науке, что часто приводит к путанице. Так, *куфичи*, предположительно являются дравидами по происхождению и потомками *акауфачийа*, а само слово на среднеперсидском означает «горец». Подобные разъяснения помогают разобраться в сложном переплетении племен, этносов, языков, культур и времен. Например, предками тальшей, гилянцев, мазандаранцев и лахов были доиранские племена, а их потомки до сих пор проживают в Южном Прикаспии. Для наглядности в работе приводится и инфографика в виде карт.

Автор также предполагает, что особенность племенной организации, ландшафта и бытового уклада, способствовала консервации архаических традиций региона, что повлияло в свою очередь на сопротивление распространению ислама арабами и происхождения различных гетеродоксальных течений (*сект*), а также кристаллизации новых аристократических династий (например, *дейламиты*).

Интересные выводы сделаны из соприкосновения со средиземноморскими культурами. В частности, говорится, что арамейцы-семиты являлись носителями знаний, а их язык был основным в делопроизводстве империи Ахеменидов. Другие размышления о появлении носителей нового языка и их ассимиляции с автохтонным населением подтверждают гипотезу об экзогенном происхождении элит в древних государствах.

В целом, в исследовании довольно подробно описаны инородные элементы на территории современного Ирана, представляющие ряд народностей, мигрировавших из соседних государств, как с Кавказа, так из Индии, Афганистана и Средней Азии.

Далее развенчивается распространенный миф, о том, что персы — это титульная нация. Такого понятия, как *пишетг*. Асатрян, в Иране не существует и является частым заблуждением, а умышленное деление на населяющие народы, которые отражены в определенных пропорциях, является не чем иным, как манипуляцией, призванной теоретически разделить Иран на этнополитические зоны. Далее подробнее говорится об этом этнониме: «определение «перс», если и встречалось, то преимущественно в сочинениях арабских авторов (ал-фариси) и обозначало неарабских (иранских) обитателей некогда великого «Арийского простора». Даже в самом персидском парс могло указывать, например, на жителей Бухары, согдийцев». (с. 38.). И, как мы видим из ряда проектов, которые разрабатывались в Великобритании и США, например, «Великий Ближний Восток», этот тезис о внешнем навязывании дискурса и интеллектуальных конструктов, подтверждается, а подобные инсинуации при их развитии могут привести к серьезным социально-политическим проблемам (как было при распаде СССР).

Отдельная глава посвящена азербайджанскому присутствию в Иране. На примерах количества общин в провинциях и традиции использовать тот или иной язык в местах компактного проживания (тюркский или арабский), а также наличия курдов, тальшей и татов в приграничных с Азербайджаном районах, автор показывает, что условное количество этнических азербайджанцев, проживающих в Иране, значительно преувеличено. Частично ответ на вопрос о смещении «азербайджанского» ядра можно найти и в исторических перипетиях с государством Атурпатакан, которое составляло лишь часть нынешнего Азербайджана и было далеко не моноэтничным, а до пришествия тюрков — ираноязычным.

Касательно современного названия Азербайджана, автор цитирует академика В.В. Бартольда: «термин «Азербайджан» избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое» (с. 70). Причиной тому была экспансия Османской Империи в Закавказье в 1918г., которая стремилась установить здесь свое влияние. А понятие «азербайджанец» отсутствует даже в переписи населения СССР 1926 года (с. 72).

Относительно татов высказывается предположение, что «так тюрки называли представителей ираноязычных анклавов в своем окружении, и оно впоследствии стало и самоназванием последних. По форме это — редупликация звукоподражательной основы та-, возможно, указывающая на того, кто плохо владеет тюркским языком...» (С.81).

Однако, помимо исторических изысканий, автор в конце своей книги уделяет внимание и этнополитике, которая напрямую касается Исламской Республики Иран. Так, отмечено, что «в мае 2012 года в атмосфере анти-иранской истерии в одном из отелей Анкары участниками «Первого форума тюрков Южного Азербайджана» был создан так называемый «Национальный совет тюрков Южного Азербайджана»» (с. 88). Собственно, подобные проекты не должны удивлять, так как, например, в неоосманской и пантуранской идеях, инициируемых на протяжении многих лет Турцией, есть место и для российских территорий и народов. При этом есть различные версии их реализации — от «теплого ислама» Фетуллаха Гюлена до идеи пантюркского братства на языковой основе. Государственстроители и нациократы из Вашингтона также довольно часто прикладывают руку к подобным теориям.

Судя по цитате из азербайджанской газеты «Зеракало» (несмотря на то, что издание русскоязычное, за ним стоят западники-либералы — Л.С.), которую приводит автор, некоторые политические силы этого и не скрывают: «... В современном глобальном мире любая национально-освободительная борьба только в одном случае может иметь шанс на успех, если будет поддержана со стороны сильных мира сего, а в данном конкретном случае Запада, и прежде всего США. Проще говоря, мы должны доказать, что создание независимого Южного Азербайджана никак не противоречит геополитическим интересам Запада, а наоборот...» (с. 90).

Рассматривая другие народности Ирана — белуджей, курдов и галанов, г. Асатрян обращает внимание на наличие этнотеррористической группировки «Джандалла», поддерживаемой США. Кроме того, наличие тенденций сепаратизма связано с дихотомией внутри ислама на суннитов и шиитов. «Отсутствие четкой политики иранского руководства в сфере урегулирования межконфессиональных противоречий, обусловленное, возможно, излишним упором на шиизм и попытками прозелитизма среди суннитов, в том числе в курдоязычном ареале, действительно создает иногда конфликтные ситуации и вызывает обоснованное недовольство населения», — говорится в данной главе (с. 95).

Касаясь курдов и гуранских племен, автор проводит экскурс в соседние регионы, касается тонкостей религиозных воззрений, этимологии, дает довольно исчерпывающую характеристику социального строя, а также взаимного влияния этих народов. Крайне интересно, что, как пишет Асатрян, несмотря на то, что «гураны — крупная и своего рода уникальная этнографическая группа... как это ни странно, мало кто в

Иране о них знает» (С. 118). И гуранов, и авроманов принимают даже в самом Иране за курдов.

И, наконец, провинция Хузистан, которая «выступает как одна из наиболее важных провинций Ирана. Здесь сосредоточено более 80% всех запасов иранской нефти» (с. 120). Здесь выделяются арабы и мандейцы, представляющие особую этно-конфессиональную идентичность — гностики, говорящие на восточноарамейском диалекте. Также тесные контакты с арабским миром привели к феномену двуязычия (арабский и персидский) в этой провинции среди определенной части населения. Отмечены и попытки формирования исключительно хузистанского самосознания в 20 в. под лейблом «Арабистан», а также деятельность эмиссаров из «Аль-Каиды» и манипуляции, последовавшие с началом «арабской весны». У США также есть виды на этот регион (видимо, из-за его нефтеносных свойств), и Вашингтон даже запускал радио «Ахвазия» с целью разжигания сецессионистских тенденций. Впрочем, по мнению автора «все попытки искусственного инспирирования сепаратистских настроений в Хузистане вряд ли могут увенчаться успехом — и отнюдь не только из-за незначительности арабоязычного элемента в этом преимущественно ираноязычном ареале... недавнее исследование по проблеме идентичности арабов Ирана и их культурно-исторической аффилиации, основанное на масштабном анонимном социологическом опросе в регионе, наглядно продемонстрировало, что абсолютное большинство арабов Хузистана не мыслит себя вне иранской действительности» (с. 124).

Несмотря на небольшой объем работы (которая снабжена фотографиями), необходимо отметить ее важность и актуальность, как для иранистики в целом, так и для политической ситуации. Кроме того, она позволяет взглянуть на Иран еще и как на уникальное государство, где до сих пор сохранились уникальные самобытные традиции (включая языческие и сектантские), забытые и потерянные их носителями в других странах, но тщательно охраняемые и сберегаемые на родине Исламской Революции.